

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.57.73>

ОРНАМЕНТАЦИЯ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ХОРЕЗМА (XIII–XIV ВВ.)

© 2022 г. А.Д. Искандерова, М.Н. Султанова

Археологические материалы и данные письменных источников показывают, что Хорезм ко второй половине XIII в. оправился от последствий монгольского завоевания. Уже в середине XIII в. экономическая жизнь Хорезма, вошедшего в состав нового монгольского государства – Золотой Орды – вновь начинает налаживаться. Подъем переживает в основном его левобережная часть, вошедшая в состав улуса Джучи и оказавшаяся на скрещении путей мировой торговли. В левобережной части Амударьи наблюдается возрождение городов и неукрепленных поселений. Происходит также возрождение некоторых правобережных городов, расположенных близ реки Амударьи. В золотоордынский период очаги оседло-земледельческой культуры возникают и на юге Хорезма. Керамическое производство всего золотоордынского государства развивалось под сильным влиянием Хорезма, игравшего огромную роль в создании золотоордынской культуры. Происходят изменения и в орнаментации керамических изделий. Характерная черта – обильное применение подглазурной зеленовато-черной или темно-бирюзовой росписи. Орнаментальные мотивы материальной культуры средневекового Хорезма совершенно отличны от керамики предыдущих эпох своим художественным осмыслением. Она обогатилась новыми изобразительными сюжетами и приемами украшения, оригинальностью сюжетной композиции. Декор керамики исследуемого периода делится на растительный, геометрический, зооморфный и эпиграфический виды.

Ключевые слова: археология, Хорезм, средневековье, Золотая Орда, керамика, орнаментация, глазурь.

ORNAMENTATION ON GLAZED CERAMICS OF KHOREZM (13TH–14TH CC.)

A.D. Iskanderova, M.N. Sultanova

Archaeological materials and data from written sources indicate that Khorezm had recovered from the consequences of the Mongol conquest by the second half of the 13th century. The economic life of Khorezm, which became part of the new Mongol state, the Golden Horde, began to stabilize as early as the middle of the 13th century. The left bank part of Khorezm, which became a part of the Ulus of Jochi and was at the crossroads of the world trade, was mainly experiencing growth. The left bank of the Amu Darya River saw the revival of cities and unfortified settlements. Some right bank cities located near the Amu Darya River were also rising. During the Golden Horde period, pockets of sedentary farming culture also emerged in the south of Khorezm. Ceramics production of the entire Golden Horde state developed under the strong influence of Khorezm, which played a huge role in creating the Golden Horde culture. Pottery ornamentation also changed. A characteristic feature is abundant use of underglaze greenish-black or dark turquoise painting. Ornamental motifs of medieval Khorezm material culture completely differ from ceramics of the previous periods in terms of their artistic interpretation. It was enriched by new pictorial subjects and decorating techniques, and the originality of subject compositions. The ceramics of the period under study are divided into plant, geometric, zoomorphic and epigraphic types.

Keywords: archaeology, Khorezm, Middle Ages, Golden Horde, ceramics, ornamentation, glaze.

Керамику XIII–XIV вв. с подглазурной росписью можно разделить по орнаменту на четыре вида: растительный, геометрический, эпиграфический и зооморфный. Большинство кашинных изделий наряду с основными типами орнаментации имеют рельефный дополнительный узор. Рельеф часто акцентирует основные элементы декора. В ряде случаев контуры рисунка и расцветка светлых деталей орнамента или свободный фон декора заполняются мелкими штрихами или точечками.

Орнаментация на внутренней стороне сосудов разнообразна, часто в центре дна помещается растительный мотив, в других случаях такой узор сочетается с геометрическим. Есть абстрактные фигуры ("павлиньи глазки", "парящие облака", "мазки"). Принцип орнаментации – деление внутренней поверхности на несколько поясов, каждый из которых имеет свой рисунок. Для кашинной керамики с подглазурной росписью существует определенный вид орнаментации внешней сторо-

ны сосуда при значительном разнообразии декора его внутренней поверхности. Наружная сторона пиалаобразных чаш украшается рельефным арочным орнаментом, иногда расцвеченным синими точками (Вактурская, 1959, рис. 36, 118–119). Редко арочный орнамент, который сверху упирается в край сосуда, разделяется цепочкой сдвоенных вертикальных линий с синими точками (Воробьева и др., 1963, с. 169, рис. 8). Арочный узор, оформляющий внешнюю сторону, встречается в золотоордынской керамике Поволжья. Однако в сарайской керамике заштрихованные вертикальные линии имеют одиночный характер (Федоров-Давыдов, 1976, с. 146, рис. 113).

В некоторых случаях, внешняя сторона чаши, покрывается орнаментом в виде "ромбовидной" цепочки или узором так называемого "павлиньего глаза", широко применяемых в керамике Хорезма и городов Поволжья (Якубовский, 1931, с. 39–40, рис. 16, 19–20; Абызова и др., 1981, с. 75). Большое количество полихромной керамики на кашинной основе с такой росписью найдено в Шемахане, Миздахкане, Джанпык-кале (Кдырниязов, 1989, рис. 1, 2; 4, 2; Доспанов, 1996, с. 13). Разница между ними такова: на сарайских чашах три ряда черных мазков на подглазурном фоне, а на хорезмийских образцах – по два (Якубовский, 1931, с. 39). Есть и другие варианты. Из Шехрлика происходит блюдо с четырьмя точками в виде компактно расположенных "ягодок", выше них проходит кольцевой пояс с черной росписью (Вактурская, 1963, с. 48, рис. 4, 1). Края чаш и кувшинов часто украшаются синими каплевидными точками.

В целом орнаментальные мотивы хорезмийской керамики XIII–XIV вв. более богаты различными типами орнаментов, тогда как в золотоордынских чашах идет повторение орнаментальных мотивов из Ургенча. Следовательно, можно говорить о подражании хорезмийским образцам. Кратковременный расцвет керамического производства в Золотой Орде удовлетворял потребности и вкусы кочевого общества. Несомненно, поливная керамика Хорезма была оснащена всеми техническими достижениями гончарного производства Среднего Востока, и она служила на благо оседло-земледельческого населения. В керамике данного периода прослеживается преемственность с керамикой предшествующей эпохи (XII–XIII вв.) Это наблюдается при анализе орнаментальных мотивов и схем, украшающих поливную посуду XIII–XIV вв.

Растительный орнамент. Господствует полихромная поливная керамика с богатой орнаментацией. Среди них огромное количество образцов с элементами растительного орнамента. В них наблюдается большая пестрота в изображениях и характере рисунка.

Часто в центре помещается шести- или восьмилепестковая розетка, разбитая радиусами на сектора, как лепестки. Иногда цветок окружают еще лепестки и узкие стебли (Вактурская, 1959, рис. 30; 36, 119). Вариантом предыдущего является композиция (рис. 1: 6), имеющая в центре описанный цветок с розеткой, вокруг него такие же цветки в виде кругов с трапециевидными лепестками, частью они расцвечены характерными для XIII–XIV вв. синими рельефными точками (Воробьева и др., 1963, рис. 8, 11). Этот растительный узор отличается сочетанием на поверхности сосуда рельефного эпиграфического орнамента. Аналогичный декор имеет прямые аналогии в Сарае (Федоров-Давыдов, 1976, рис. 107–108). Третий вариант отличается сочетанием геометрических и растительных орнаментов. Побег цветка в центре дна вписан в шестиугольник и окружен растительным и геометрическим орнаментом (рис. 3: 6). Такая чаша была найдена в караван-сараяе Талайханата в 1952 г. Орнаменты внутренних бортиков чаши разделены синими тройными полосами на сектора, заполненные рисунком, выполненные темно-зеленой краской. Чередуются три различных растительных рисунка: два стилизованных и один с точками-"ягодками", сгруппированными по четыре. Верхние края чаши орнаментированы поперечными полосами фиолетового и зеленого цветов. Внешняя сторона сосуда с высоким бортиком украшена орнаментным поясом, состоящими из геометрических фигур-колец, треугольников, ромбов (Вишневецкая, 1958, рис. 7, 4). Идентичный орнамент можно видеть на чашах из Миздахкана в слоях XIII–XIV вв. В обеих чашах краски местами растекались, т. е. "нарочито" оберегалась от "порчи". Чаши отличаются друг от друга только цветом краски. В первой господствует зеленая, а в миздахканской – темно-синяя (кобальтовая) роспись. Немалый интерес представляет одна из хорезмийских чаш, найденная на Замахшаре, которая также украшена шестиугольной звездой, заполненной мелкими завитками и своеобразными розетками из кругов и точек между ее лучами (Атагаррыев, 1974, с. 80). Очевидно, что все эти чаши имеют одинаковую форму, орнаментальные мотивы выпол-

нены в одной технике и сходны между собой, существенных различий нет. Это наводит на мысль о том, что большинство изделий посуды из различных памятников Хорезма XIII–XIV вв. имеют стандартизованные формы.

В четвертом варианте желтое поле сосуда изнутри богато украшено темно-коричневыми восьмилепестковыми цветками, кончики которых имеют очертания трехлопастной арки. Построение рисунка центрическое, растительный орнамент радиально расходится из центра дна. Внутри лепестков также расположены более крупные трехлепестковые цветки, их фон местами украшен крупными точками. По верхнему поясу идут узкие сдвоенные полосы и "пальметки" - "трилистники", ограниченные узкой линией. Красноглиняная чаша с таким орнаментом происходит из помещения "Восточного квартала" Миздахкана (Фонд КГУ. МО-87, ВК-I, п. 31).

Гончары в росписях этих чаш применили стилизованный мотив растительного узора. Орнамент преимущественно в виде крупных листьев или растительных колец. Из Джанпык-калы происходят фрагменты чаш и поддона сосуда с высокой бокалообразной формой. Одна из кашинных чаш имеет кольцевой поддон. В центре и по краю по белому ангобу неширокой линией нарисованы крупные концентрические круги. Но это не геометрический орнамент. Внутри и во внешнем круге "колец" дан схематический рисунок раскрывшегося бутона, выполненного бирюзовой, темно-зеленой краской (рис. 1: б). Изображение максимально упрощенно, но достаточно выразительно благодаря несколько утрированной передаче основных деталей на белом кашинном фоне.

Из Миздахкана происходит отличающийся от других типов, пока единственный, красноглиняный на высокой ножке сосуд с сильно стилизованным орнаментом. Внутренняя сторона покрыта опакной красно-желтой поливой с белой и зеленой надглазурной росписью. Орнамент расписан крупными лепестками в виде цветков ромашки, радиально расположенными и вкрапленными зелеными пятнами (Фонд КГУ. МО-87, ВК-II, п. 61).

Исследование комплекса керамики XIII–XIV вв. и их орнаментации указывают на то, что в основном керамика этого периода повторяла узоры предыдущей, хорезмшахской культуры. В материалах при сохранении основных форм сосудов изменения идут лишь по линии усложнения декора и большей изящности исполнения. Характерной

особенностью орнаментации этого времени является оформление ее насыщенными растительными мотивами. Внутренняя поверхность сосудов была в основном разделена на три орнаментальных пояса, из которых часто оформлялись два: центральная часть и боковые стенки, а верхний пояс, идущий по краю, сочетал растительные мотивы с геометрическими (линия, точка, косые насечки в виде ромба). Границы пояса от соседнего отделялись обрамлением скругленной линией.

Богатая гамма красок (зеленая, коричневая, бирюзовая, кобальт, красная) придавала особую нарядность и красочность посуде. Полихромная поливная керамика часто имела цветочный букет с осевой симметрией, вырастающий из одного места в центральной части (рис. 3: 23) (Вактурская, 1959, рис. 34, 2). На одной из тарелок, найденной в Миздахкане, в центре изображена шестилепестковая розетка, от которой разрастается цветок со стилизованными листьями, стеблями, побегами (рис. 4: 1-2; 3: 23). Все это обведено кольцевой зоной из зигзагов со штриховкой. Тонкие лепестки не только стилизованы, они часто напоминают раскрывающийся "павлиний хвост". Такие же "павлиньи хвосты", но поменьше, расположены по фестончатому краю темирской кашинной чаши из "Северного квартала" Миздахкана (рис. 4: 2). На некоторых чашах второй пояс по стенкам украшен в шахматном порядке мелкими четырехлепестковыми цветками (рис. 1: 2; 2: 4; 3: 10). Исследователи трактуют этот орнамент по-разному: одни считают эти цветки "птичками" (Вактурская, 1959, рис. 3, 1), другие склонны видеть в них "крестики", "скомпонованные точки" или трехлепестковые бутоны-листья" (Якубовский, 1931, с. 37). Сходный декор в золотоордынской керамике часто встречается в виде точек или в виде трилистников. Вариантом этого растительного орнамента является узор "трилистников", украшающий внутреннюю поверхность чаш (Якубовский, 1931, рис. 17-19; Булатов, 1968, с. 108, рис. 4, 1). Однако по реалистичности этот вид орнамента более характерен для Хорезма. В большинстве золотоордынских городищ керамика подобного типа немногочисленна. И напротив, в Хорезме поливная керамика с изображениями веток лотоса или лotosового куста менее известна. Этот элемент был очень широко распространен в искусстве Золотой Орды и сопредельных стран после монгольского нашествия. Однако орнамен-

тальный мотив с цветком лотоса известен в керамике Хорезма X-XI вв (Вактурская, 1959, с. 290).

Из других мотивов растительного орнамента часто встречаются тюльпаны и грибовидные одуванчики. Тюльпан связан с веткой (рис. 3: 21, 26), напоминающей стебель (Вактурская, 1959, рис. 34, 2). Одуванчик, по очертанию напоминающий форму грибка, стеблем связан с кольцевидной полосой на дне чаши.

В целом растительный орнамент поливной керамики Хорезма XIII-XIV вв. наиболее разнообразен и имеет некоторое сходство в технике нанесения орнаментов с Поволжьем-Хорезм был связан с этим регионом политически. Одновременно Хорезм как часть Мавераннахра имеет аналогии в керамике с центрами Средней Азии.

Геометрические орнаменты в поливной керамике представлены следующими фигурами: это треугольники, шестиугольники, восьмиугольники, вытянутые круги, арочки, точки, волнистая линия, полосы зигзагов, ряды запятых и другими.

Сложный вариант геометрического орнамента представлен чашей с шестиконечной звездой из "Восточного квартала II" в Миздахкане (рис. 1: 1). В центре, на дне, маленький шестиугольник с цветком, вокруг которого четыре шестиугольника. Они больше размером и окружены округлой полосой, в целом орнамент образует розетку, вокруг которой находится узкая полоса восьмиугольно-вертикальных зон, заполненных псевдоэпиграфическим орнаментом, рыбками, лепестками и точками. По краю чаши идет узкая кольцевая полоса. Внешняя поверхность этой чаши украшена также геометрическим орнаментом, образующим ромбовидные медальоны с заштрихованными носиками. Другой вид геометрического орнамента представляет собой округлую розетку с квадратами, разделенную белой ангобной полосой. В образованных таким образом малых квадратах, расположенных в шахматном порядке, находятся квадраты с сетчатым орнаментом, чередующиеся с белыми квадратиками с четырьмя синими точками⁵ (рис. 3: 33). Аналогичный орнамент с четырьмя кобальтовыми точками на дне чаш присутствует на золотоордынской керамике Селитренного городища (Булатов, 1974, с. 139, рис. 1, 2).

На другой чаше (также из Миздахкана) в центре круг с цветком, вокруг него узкий пояс, образованный рельефной линией

черного цвета. Переплетаясь, он образует шесть круглых зон, заполненных цветами коричневой росписью. Узкая черная полоса идет по краю чаши (Фонд КГУ, МО-90, КВ-3, п. 17). Еще одна чаша с аналогичным орнаментом из гончарной мастерской в раскопе XI была найдена Г. А. Федоровым-Давыдовым в Селитренном (Федоров-Давыдов, 1994, рис. 14, 2). Геометрические орнаменты представлены и другими видами. Среди них встречаются линейно-геометрические узоры. В основном в XIII-XIV вв. был распространен мотив плетенки, штрихованной кривой сеткой кольцевых полос, радиальные полосы которой делят боковые поверхности чаши на треугольники и трапеции. На кашинной чаше из Шемаха-калы крайняя (верхняя) кольцевая зона из двух переплетающихся белых полос с синими точками занимает завершающее место в композиционном сюжете (Вактурская, 1959, с. 321, рис. 32, 3) (рис. 3: 36). На другой чаше из Шемаха-калы край внутренней стороны имеет арочный орнамент и вертикальные столбики, упирающиеся наверху в узкий пояс по краю сосуда (Вактурская, 1959, рис. 32, 4). Эти орнаменты с растительными мотивами, усиливают декор, особо выраженный эффектной синей и черной росписью на белой кашинной основе.

На одной из красноглиняных чаш из Шемаха-калы с полихромной росписью на стенках, в круглой зоне, расположены восемь луковичных медальонов, образованных переплетением двух желтых полос, причем медальоны встроены: большой, второй – поменьше, а в нем третий – маленький (рис. 2: 3). Здесь явное торжество одного из видов линейно-геометрического орнамента-переплетения (Вактурская, 1959, рис. 29, 5; 36, 96). В центре медальонов стилизованный цветок с точками, на заднем фоне вертикальные штрихи. Вариант этой схемы представлен на другой чаше из Шемаха-калы, у которой в центре растительный орнамент, а по стенкам девять луковичных медальонов. Здесь, в отличие от предыдущей чаши, фон заполнен маленькими точками, в которых помещены "галочки", их также девять (Вактурская, 1959, рис. 32, 1; рис. 36, 117). Ранние образцы луковичных медальонов мы встречаем в художественной поливной керамике Самарканда (Ташходжаев, 1967, рис. 4а), позже они встречаются в золотоордынской керамике Поволжья (Fedorov-Davidov, 1984, p. 23, 4).

В некоторых открытых чашах и блюдах после точечного бордюра (края), ниже по

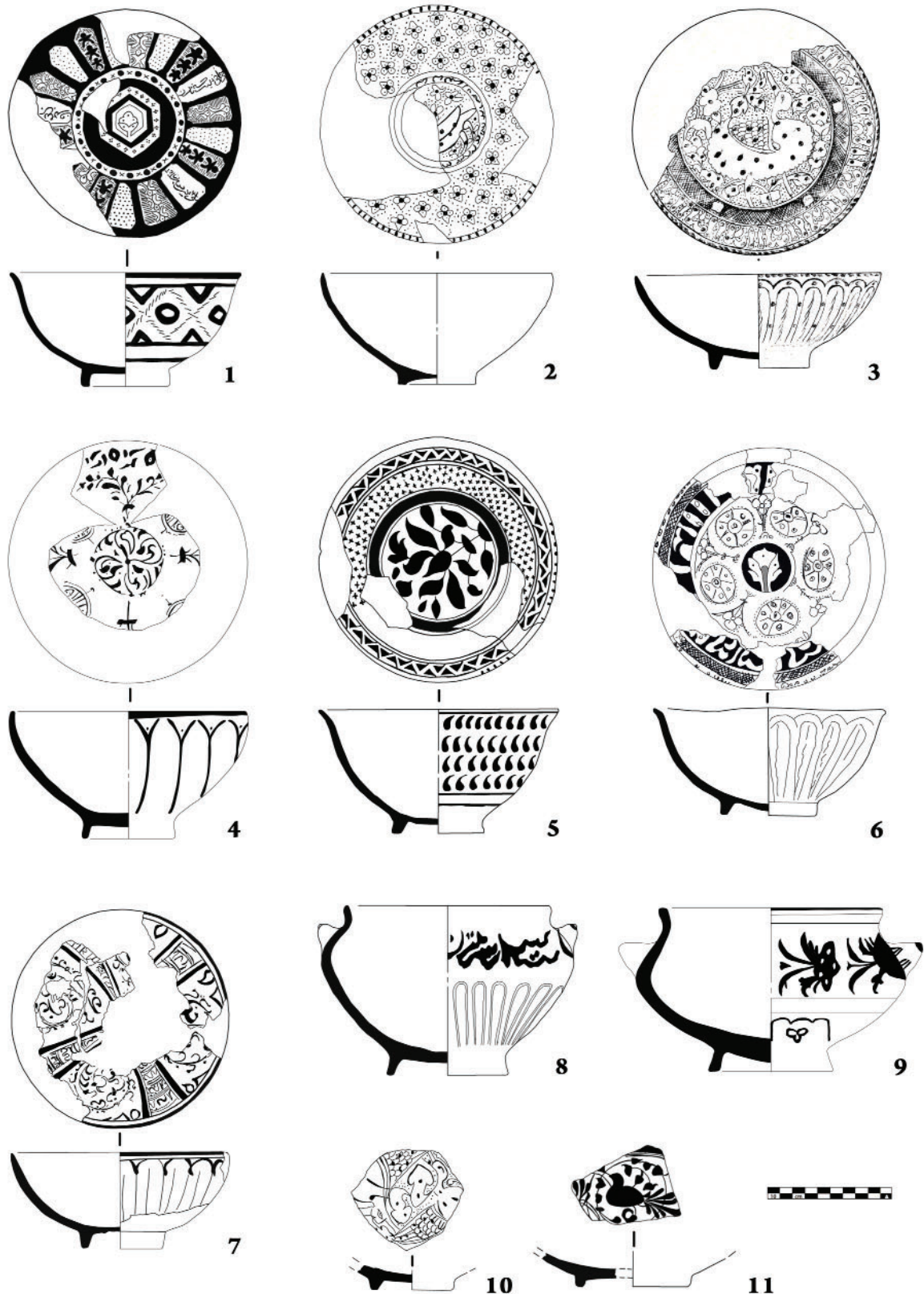

Рис. 1. 1, 5, 10-11 – Чаши, Миздахкан (Фонды ГМИКРК, КГУ); 2-4, 6-7 – Джампык-кала (Фонд ГМИ); 8-9 – Горшковидные сосуды, Джампык-кала (Фонд ГМИ).

Fig. 1. 1, 5, 10-11 – Bowls, Mizdahkan (Funds of the State Museum of History and Culture of the Republic of Karakalpakstan, Karakalpak State University); 2-4, 6-7 – Dzhampyk-kala (Fund of the State Museum of Art named after I. V. Savitsky); 8-9 – Pot-shaped vessels, Dzhampyk-kala (Fund of the State Museum of Art named after I. V. Savitsky).

внутренней поверхности, иногда проходит кольцевой пояс в виде падающей волны, часто выполненный кобальтовой (темно-синей краской). Он выполнен в форме растительно-го побега, с закрученными стеблями из двух ветвей с бесконечно повторяющимися линиями. Отдельные участки между стеблями украшены завитками. Весь рисунок выполнен кобальтовой поливой на белом фоне (рис. 4: 5).

Геометрическая композиция в виде "падающей волны" встречается и на некоторых открытых сосудах из Шемаха-калы (Вактурская, 1959, рис. 36, 118). Судя по характеру росписи, в шемахакалинской кашинной чаше в точности повторяются орнаментальные сюжеты вышеописанной из Миздахкана. Кашинное белое тесто, полусферическая форма, идентичный орнамент – все это свидетельствует о том, что эти сосуды происходят из одного центра Хорезма. Орнамент в виде "падающей волны" встречается в керамике Самарканда XII в. (Ташходжаев, 1967, с. 59, рис. 11), Тункета (Буряков, Художественная керамика городища... Табл. IV.9) и в архитектурных сооружениях Средней Азии (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 91, рис. 25, 1). Орнамент "падающая волна", как и прежде, занимает небольшую часть сосуда, образует бордюрную зону. Встречается в сочетании с растительными и эпиграфическими узорами. Для них применена одноцветная роспись, усиливающая простоту и строгость орнаментов. Однако в XIII–XIV вв. такая орнаментация усиливается, обогащаясь новыми элементами растительного узора.

В поливной керамике XIII–XIV вв. по-прежнему встречается керамика с орнаментом "граффито", выполненная тонкой линией. Этот орнамент относится к наиболее ранней технике в данном способе орнаментации. На блюдах XIII–XIV вв. встречается "граффито" растительно-геометрического характера, но чаще всего с концентрической композицией. Керамика с гравированным орнаментом встречается в двух видах, выполненных тонкой или толстой линией, разница зависит от ширины резца. Большая часть фрагментов керамики с орнаментом "граффито" относится к красноглиняным изделиям с зеленой поливой.

Ареал керамики с такой орнаментацией в домонгольский период широк. В Средней Азии он известен по материалам Термеза (Шишкин, 1945, с. 122, рис. 25, 1), Самарканда (Шишкина, 1979, табл. LI, 1–2), памятни-

ков Уструшаны (Замин) (Грицина, 2001, с. 174, рис. 1, 1–2), Каваткалы, Даудана, Шах-Санема (Вактурская, 1959, с. 316). Таким орнаментом в Хорезме продолжали пользоваться и в XIII–XIV вв. с разницей лишь в характере узоров. Для техники гравировки в золотоордынских городах свойственны в основном геометрические орнаменты ("концентрические круги").

Их перечень дополняется и другими элементами – заштрихованными треугольниками, знаками в виде "запятых" или стилизованных геометрических фигур (например, "аркады", "узел счастья"). Эти мотивы орнаментации часто встречаются в сочетании с другими видами или представлены в мелких фрагментах керамики. В связи с этим уместно дать толкование более реальным орнаментальным композициям. Среди них большой интерес представляет керамика с зооморфными изображениями.

Зооморфный орнамент. Значительное место в орнаментальных сюжетах на поливной керамике Хорезма занимают зооморфные мотивы. Это птицы: утки, павлины, семейство воробьиных, фазаны; а также рыбы, зайцы, быки, газели. Они расположены парами и поодиночке в круглых медальонах или среди растительной орнаментации. В коллекции керамики XIII–XIV вв. преобладают открытые сосуды – чаши, реже встречается горшковидная посуда с изображением птиц.

Павлины (рис. 2: 1-2, 8-9). Внутренняя и наружная поверхности чаши из Миздахкана облицованы тонким слоем свинцовой неокрашенной поливы (Ходжаниязов, Искандерова, 1999, с. 103). По краю внутренней поверхности чаши между двумя попарно проведенными линиями нанесена полоса, переплетающаяся под углом линий. На нее были нанесены семь рельефных точек. Ниже ее идут куфические надписи из повторяющегося слова "икбаль" (успех). На дне чаши имеется обведенный парными полосами рисунок птицы – судя по цвету оперения, это обыкновенный голубой павлин (*Pavo cristatus*), вокруг которого изображены стилизованные рыбы. Фигура павлина декоративно-условная, но удивительно красивая именно в этой своей декоративности. Голова и туловище белые, расцвечены расплывшимися темно-синими точками. Крупная голова немного опущена вниз, на туловище находится мягко разработанное оперение, пышный хвост с пестрыми глазчатыми пятнами поднят вверх (рис. 2: 2).

В коллекции поливной посуды открытого типа встречается орнамент с фигурой павли-

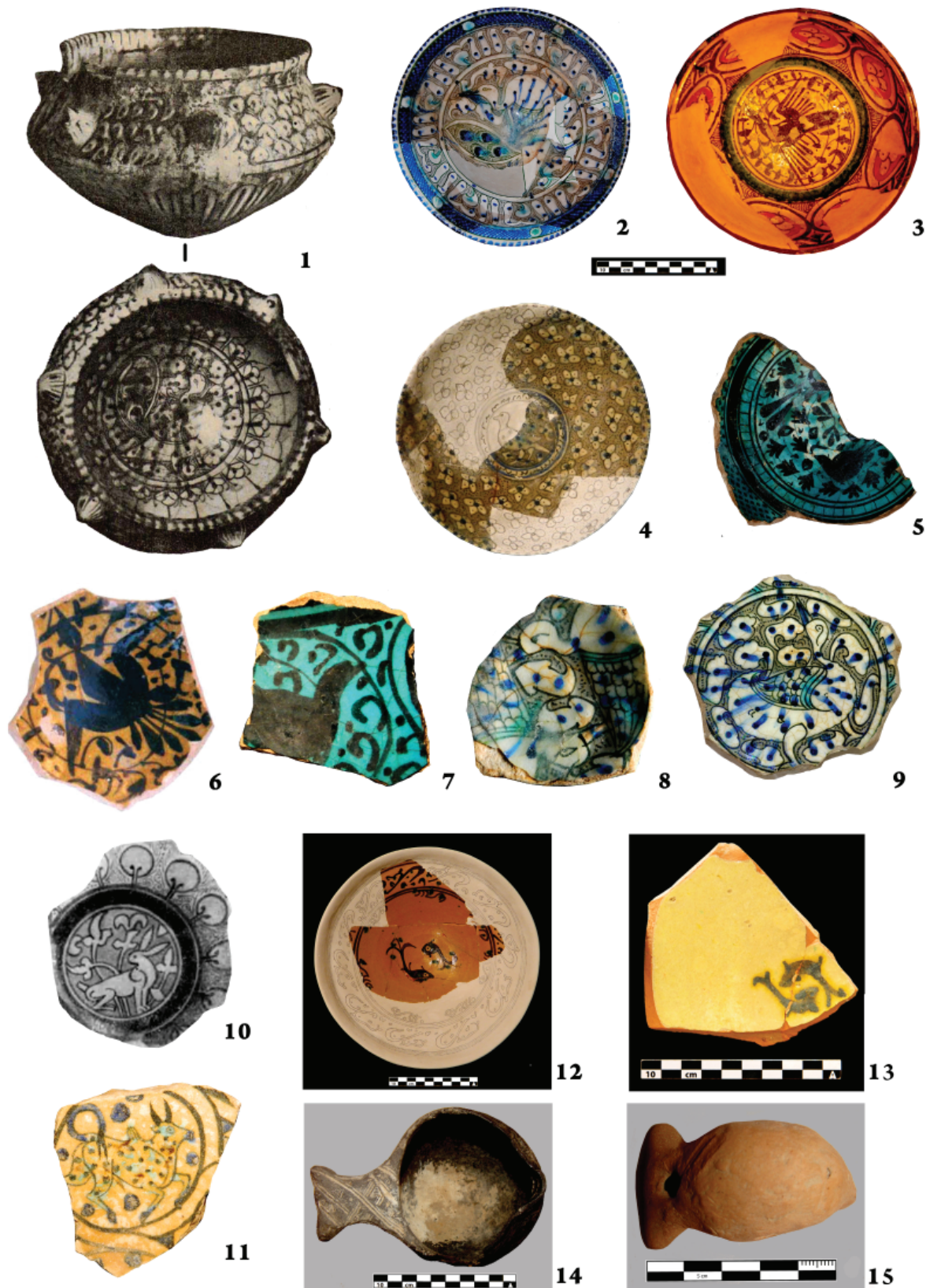

Рис. 2. 1 – Горшковидный сосуд. Куня-Ургенч (по: Пугаченкова, 1960); 2, 6-9, 13 – Чаши, Миздахкан (Фонды ККНИИГН, КГУ); 4, 12 – Чаши, Джанпык-кала (Фонд ГМИ); 3, 10-11 – Фрагменты чаш, Шемаха-кала (Фонд Гос. Эрмитажа); 14-15 – Миздахкан (Фонд КГУ)

Fig. 2. 1 – Pot-shaped vessel. Kunya-Urgench (after: Pugachenkova, 1960); 2, 6-9, 13 – Bowls, Mizdakhkan (Funds of the Karakalpak Research Institute for the Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Karakalpak State University); 4, 12 – Bowls, Dzhanpyk-kala (Fund of the State Museum of Art named after I. V. Savitsky); 3, 10-11 – Fragments of bowls, Shemakha-kala (Fund of the State Hermitage); 14-15 – Mizdakhkan (Fund of the Karakalpak State University)

на (Куня-Ургенч). Сосуд широкогорлый, с утолщенной закраиной и почти прямым бортиком, переходящим к биконическому телу, с плавным перегибом от плечевой части к нижней половине; дно округленное; поддон был, очевидно, высоким, кольцевым (рис. 2: 1). Плечи сосуда оформляет пять налепных, выпуклых, радиально рифленых шишек, заканчивающихся сосочками. Так, на целиком сохранившемся горшковидном сосуде из Ургенча на донце изображен стилизованный павлин. Тело его с чешуйчатым крылом и синими пятнышками по корпусу обращено вправо, голова на круто выгнутой шее – влево, пышный хвост с тремя «глазками» и мелким оперением поднят вверх. В орнаментацию хвоста и крыла павлина введено несколько сильно расплывшихся пятнышек бирюзово-голубой глазури. Этот горшкообразный сосуд, предназначавшийся для розовой воды, в которую гости окунали пальцы после трапезы, служил предметом широкого экспорта (Пугаченкова, 1960, с. 200) и «образцом высокохудожественной хорезмской керамики» XIV в. (Пугаченкова, 1967, с. 165). Появившись еще в домонгольское время в Средней Азии (Лунина, 1962, с. 312–313), на Ближнем Востоке (Денике, 1923, с. 27), орнаментация с павлином широко распространилась в XIII–XIV вв.

Уникальные сосуды средневекового Хорезма не только пополняют наше представление о парадных предметах домашней утвари средневекового населения Приаралья, но и дают картину производства товаров с сопутствующими надписями, предназначенными для рынков от Сарай Берке на Волге до Маджара на Северном Кавказе.

Образ павлина в символике ислама выступает символом космоса или – из видимых небесных тел – Солнца и Луны, глаз павлина ассоциируется с «оком сердца» и внутренним зрением (Энциклопедия, 2004). Символ павлина пришёл к мусульманам, а от них – на Запад – из Древнего Ирана. Он означает дуализм – двойственную природу человека, черпающего силу в принципе единства (Фоли, 1997; Холл, 1999; Хоул, 1998). Гностики средневековья, пытаясь раскрыть тайны божьего промысла, выбрали павлина как выражение своих мистико-философских откровений. «Если внимательно приглядеться к его оперению, мы найдем 365 различных красок. Стало быть, это космологическая птица...» (Schultz, 1910).

Утки. Наиболее излюбленным был мотив водоплавающей птицы-утки, где централь-

ную часть занимает повернутое в профиль изображение утки (рис. 2: 3, 9). Иногда это внутренняя сторона чаши, в центре которой на фоне рельефного растительного орнамента нанесена фигура летящей утки и закрученного спиралью растительного побега с мелкими листочками, выполненного коричневым цветом. Рельефные детали рисунка расцвечены темно-синими пятнами, элементами павлиньих глаз и летящих облаков. Такие сюжеты встречаются на посуде из Ай-Аты (Кдырниязов, 1989, с. 67), Джанпык-кала (Доспанов, 1991, рис. 21, 11), Шемаха-кала (Вактурская, 1959, рис. 29, 5). Близкую аналогию чаши с изображением птиц часто находили в керамических центрах Золотой Орды, Хорезма и Средней Азии (Пугаченкова, Ремпель, 1960, с. 120, рис. 124). Однако изображение утки на фоне рельефного орнамента является самым распространенным мотивом золотоордынских чаш Хорезма (Искандерова, 2016, с. 211).

Мелкие птицы. На изделиях поливной керамики этого периода привлекает внимание изображение птиц небольшого размера, выполненное одноцветной подглазурной черной росписью (рис. 2: 5, 7). На дне кашинной чаши из Шемаха-кала изображены две птицы на фоне закрученного спиралью растительного побега (рис. 2: 5), стенки также украшены расположенными в шахматном порядке мелкими птичками с распластанными крыльями (Вактурская, 1959, рис. 34, 1). Зооморфные сюжеты с птичками часто встречаются на сосудах из Самарканда, Мерва, Бинкета, Ферганы, Пайкенда, Сарайчика (Мухамеджанов и др., 1988, с. 170; Анарбаев, 2013, с. 68; Самашев и др., 2008; Атагаррыев, 1986), также птицы являются излюбленными персонажами на изделиях Ближнего Востока. Несмотря на то, что птицы схожи между собой, в деталях рисунка, в их раскраске заметны существенные различия. Так, на сосудах хорезмийской керамики XIII–XIV вв. цветовое и орнаментальное решение изделий более реалистично: птицы изображены в свободном полете с распластанными крыльями или в сидячей позе.

Газель. Излюбленным мотивом сцен является газель (джейран) (*Antilope [Gazella] dorcas Licht.*). На одном из красноглиняных сосудов с полихромной росписью из сельского поселения в окрестностях Куня-Уза сохранилось изображение животного – газели (Вишневская, 1963, рис. 7 г). Она изображена на желтом фоне, у нее толстая шея, большие глаза расцвечены темно-коричневой

краской, рога нарисованы почти вертикально, параллельно друг другу, уши средней длины. Массивное туловище и рога расцвечены зелеными точками. Вокруг газели фон расписан растительным орнаментом свивающихся стеблей, орнаментальные растительные мотивы вокруг свободного фона расцвечены зелеными точками, как на теле газели. В Дехистане было найдено несколько фрагментов кашинной керамики с ее изображением. Фаянсовые сосуды с фигуркой газели обнаружены также на городище Султан-Кала в Старом Мерве (Атагарриев, 1986, с. 122; Лунина, 1971, с. 22).

Заяц. На дне сегментовидной формы чаши из Шемахи-кала изображен заяц, судя по крупному размеру, возможно, среднеазиатский заяц-толай (*Lepus tolai*). Рисунок животного передан в реалистичной форме, заяц изображен в выжидающей позе, голова с длинными клиновидными, чуть отогнутыми назад ушами повернута, животное как бы оглядывается назад. Хвост также имеет клиновидную форму (рис. 2: 10).

Заяц, который является одним из излюбленных персонажей на произведениях искусства Средней Азии и сопредельных областей, часто фигурирует в сценах охоты. На тальковом изделии из дома № 41 в Каваткалинском оазисе есть изображение зайца, голова которого повернута в сторону стреляющего преследователя (Государственный музей искусств..., 1976, табл. 10). Заяц представлен на одном из стеклянных «медальонов» из дворца термезских правителей (Жуков, 1940, с. 61, рис. 2), фигуры зайцев встречаются и на штампованной керамике Хорезма (Тереножкин, 1940, с. 62, рис. 12).

Бык. Фрагмент поливного сосуда с частью кольцевого донца из Куны-Ургенча, на желтом фоне внутренней части имеется изображение быка с горбом – зебу (*Bos taurus indicus*), бег которого передает положение ног и поднятый вверх закрученный хвост (рис. 2: 11). Нос, хвост и копыта изображены в темно-синем цвете. Грациозное тело испещрено черными точками и голубыми мазками. Рога короткие, вертикально расположенные, выделены черным цветом.

На протяжении древней истории образ быка встречается в мифах и ритуалах, в фольклоре и религиозной знаковой системе, в искусстве и бытовой сфере. Бык пользовался особым почитанием прежде всего как символ природных производительных сил, плодородия, изобилия и благоденствия. Его восприни-

мали как предка рода, и обычно самый сильный человеческий род связывал с ним свое происхождение. Бычьи рога часто укрепляли на кровлях святилищ и алтарях, они служили элементом своеобразного сакрального декора.

В связи с археологическими раскопками в Каунчи-тепа придается важное значение времени появления зебу в Средней Азии (Громова, 1940). Коридором для распространения культа зебу из Индии в Двуречье был Иран, где в Шуше была найдена фигурка с горбом зебу (The Royal City..., 1992, р. 60. № 27). Найденные на Гонур-депе глиняные фигурки быков из-за выраженных горбов интерпретируют как зебу, хотя достоверные кости зебу пока не выявлены (Сатаев, 2016, с. 77). На маргианских и бактрийских печатях изображены горбатые быки-зебу (Sarianidi, 1998, р. 39; Sarianidi, Dubowa, 2013, s. 167).

Рыбы. Нередко в декоре бытовой керамики встречаются изображения рыб (рис. 2: 12–15). Внутренняя часть светлоглиняной чаши из Джанпык-кала орнаментирована стилизованным изображением двух рыб на желтом фоне (рис. 2: 12). Изображение рыб часто встречается на металле, неполивной керамике и монетах в X–XIII и XIII–XIV вв. в городах Средней Азии (Федоров-Давыдов, 1965, табл. V, 42, 47; Шишкина, 1979, с. 60; Кдырнязов, 1989, рис. 9, 3).

Почитание рыб также восходит к очень ранним формам религиозных воззрений данного региона (Снесарев, 1969, с. 325). Рыба считалась особенно чистой, так как она была связана с водной стихией и ее наделяли сверхъестественными свойствами. В Авесте, например, мы встречаем достаточное количество примеров почитания водной стихии, вместе с нею – рыб, с которыми у народов Средней Азии, в том числе Приаралья, связано немало легенд и поверий. Образы рыб и птиц занимают важное место в поверьях и мифологии народов Средней Азии. В целом зооморфный орнамент представлен многообразными видами животных. Керамисты Хорезма, кроме отмеченных животных в орнаментации керамических изделий, изображали зайца-быка (Вактурская, 1958, рис. 32, 6; рис. 7), дельфина, петухов (Кдырнязов, 1993, с. 46, 88, рис. 2, 3; Кдырнязов, 1990, рис. 3, 3).

Следует отметить, что зооморфный орнамент в поливной керамике Хорезма XIII–XIV вв. более насыщен зооморфными мотивами, нежели на поливной посуде XII – начала XIII вв. Это связано с усилением производства

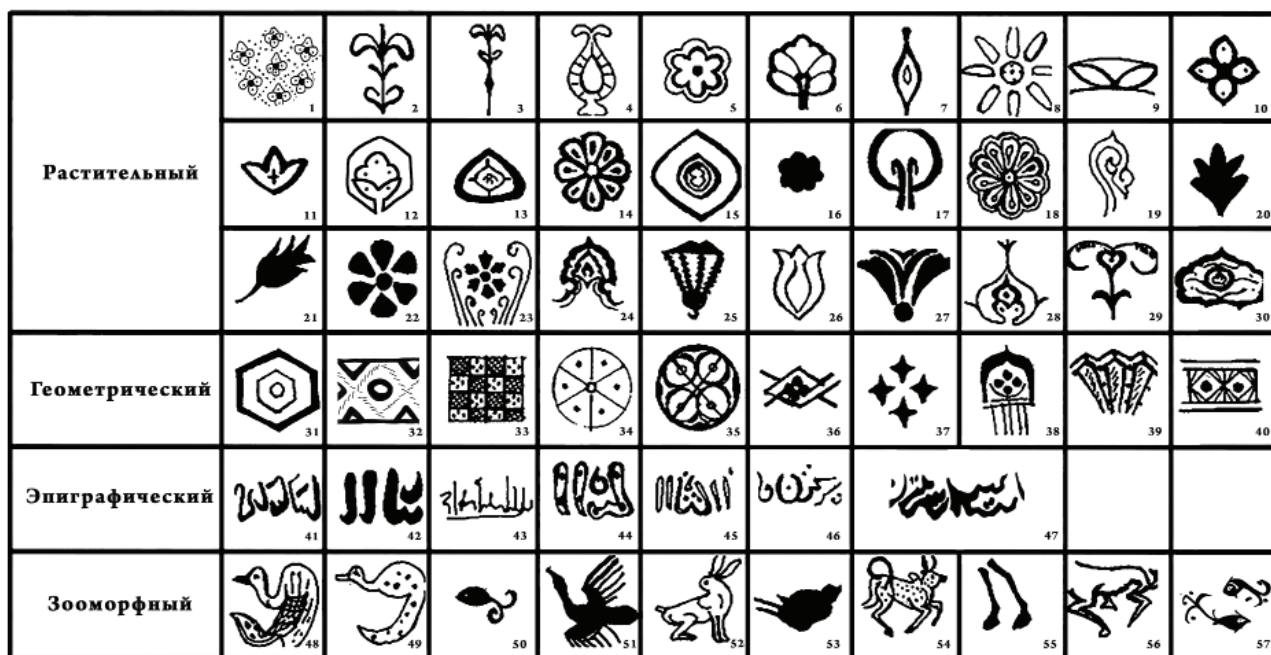

Рис. 3. Виды орнаментальных мотивов (элементы) второй половины XIII–XIV вв.

Fig. 3. Types of ornamental motifs (elements) in the 13th–14th centuries.

полихромной керамики в средневековье, в развитии которой принимали участие мастера различных народностей и слились различные культурные влияния и традиции. В XIII–XIV вв. в силу политических причин на огромных пространствах Евразии налажилось производство поливной керамики, впитавшее в себя традиции орнаментики, формы, стиля самых разных керамических центров. Синкретичный характер культур обусловил производство изделий золотоордынских по фактуре и хорезмских по стилю.

Эпиграфический орнамент. Эпиграфическим орнаментом поливная керамика XIII–XIV вв. небогата. Известны лишь единичные фрагменты, имеющие такие орнаменты из различных памятников Хорезма.

В Шемаха-кале найдены чаши, где куфические надписи состоят из повторяющегося слова "икбаль" (успех). Есть чаши с псевдоэпиграфическими орнаментами. На краях и бортике одной кашинной чаши из Шемаха-калы расположен стилизованный эпиграфический орнамент, а его фон украшен точками и завитками (Вактурская, 1959, рис. 35, 2–3).

Эпиграфический орнамент хорошо представлен "археологически целой" кашинной чашей из Миздахкана (рис. 2: 2). Ниже края идет куфическая надпись из повторяющегося слова "икбаль" (Ходжаниязов, Искандерова, 1999, рис. 1). Среди материалов керамического комплекса Хорезма XIII–XIV вв. встречаются

сосуды закрытых форм, орнаментированные с наружной стороны эпиграфическим узором. На внешней поверхности горшковидного сосуда из Миздахкана с коническими наклепами и носиком, над арочным орнаментом располагался эпиграфический орнамент. Сосуд имел двухстороннюю поливу: внутри бирюзовую, снаружи кобальтовую (Фонд КГУ. МО-89, ВК-1). На другом таком сосуде из Шемаха-калы имеется рельефная куфическая надпись на плечах (Вактурская, 1958, рис. 35, 5). Он также покрыт двусторонней бирюзовой и кобальтовой поливой (рис. 2: 45).

Интерес представляет тонкостенный кашинный сосуд горшковидной формы. Внутренняя поверхность не орнаментирована, наружная сторона прямого венчика украшена орнаментальным поясом, рельефно нанесенными арабскими надписями (рис. 1: 8). За пределами Хорезма горшковидные сосуды с кобальтовой поливой и с рельефными куфическими надписями найдены в Маджаре (Гражданкина, Ртвеладзе, рис. 1, 4), Селитренном (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 203). Все они датируются золотоордынским временем. Здесь стоит особо отметить, что во всех золотоордынских памятниках наблюдается единообразие эпиграфического орнамента, во всех фрагментах такого типа сосудов надписи снаружи расположены на верхней зоне, орнамент рельефный, изделия покрыты либо темно-синей (кобальтовой), либо бирю-

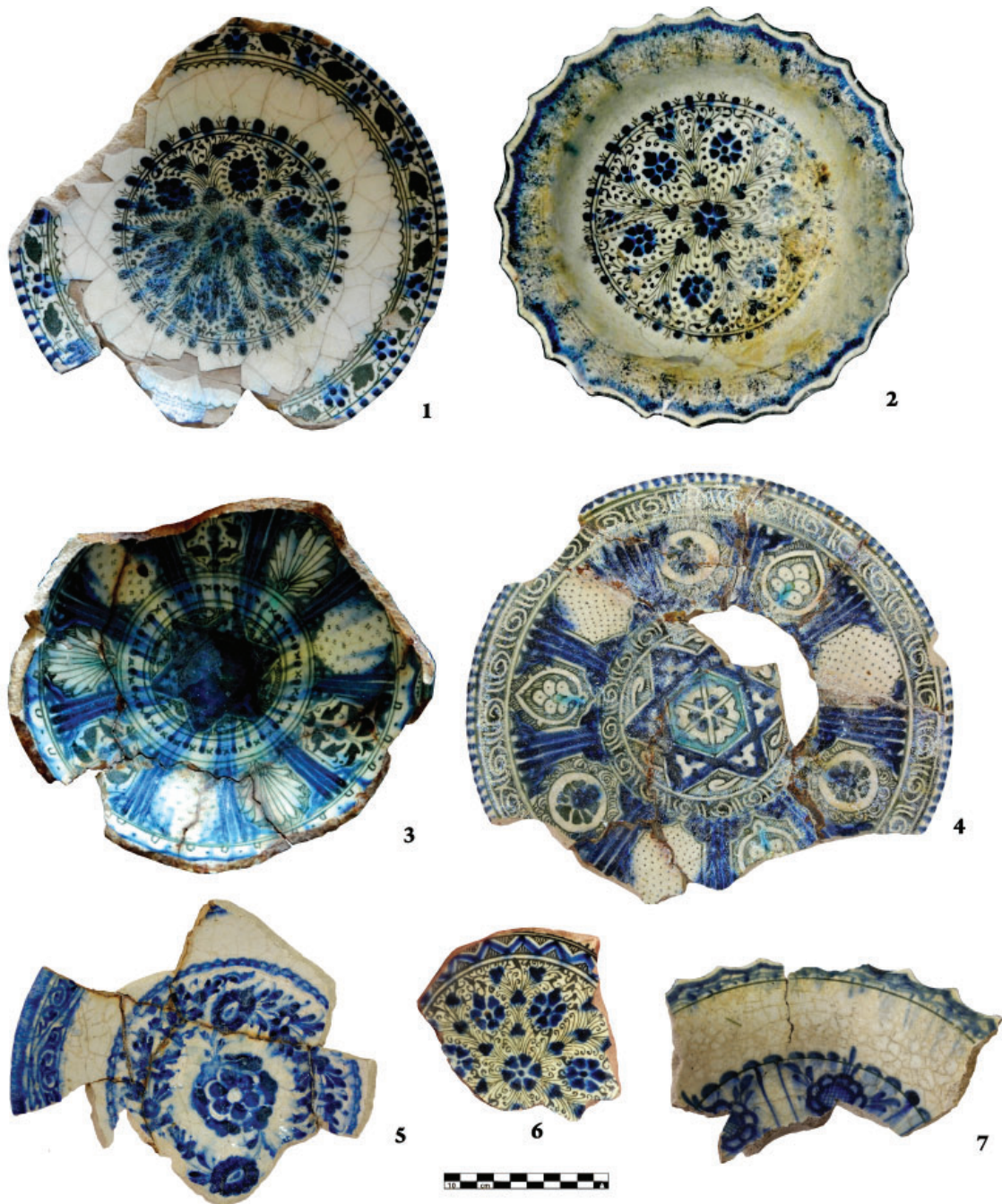

Рис. 4. Кашинная керамика. Миздахкан (Фонд КГУ).

Fig. 4. Kashin ceramics. Mizdakhkan (Fund of the Karakalpak State University).

зовой поливой. Везде повторяется арабское слово успех ("икбаль").

Антропоморфных мотивов орнаментации в местных хорезмских поливных изделиях нет.

Керамическое производство, разгромленное в результате монгольского нашествия, в XIV в. полностью восстанавливается на основе домонгольских достижений; создаются новые образцы орнаментации, форм и технических приемов.

Во второй половине XIII–XIV вв. формы кашинных и глиняных сосудов становятся весьма разнообразными. Появляются новые виды поливной керамики (горшковидные

сосуды с соскообразными налестками, чаши с ребристыми стенками и фестончатыми краями, высоким поддоном), усложняется орнамент.

Орнаменты глиняных и кашинных сосудов становятся весьма богатыми. Для этого времени в основном использовался подглазурный орнамент с рельефом, чаще всего же встречалась черная, темно-синяя (кобальтовая) роспись, основной фон оставался белым. Виды рисунков были различные, но господствовал растительный орнамент, который достиг большой сложности. Путем нанесения однотонной краски на

белый фон мастера получают эффектный декор.

Сосуды, облицовывались поташной поливой, дающей толстый, почти абсолютно прозрачный стекловидный слой или глухую оловянную поливу, которая прежде была неизвестна (Вактурская, 1959, с. 327). Орнаментация и техника изготовления кашинных сосудов с полихромной росписью и с черной подглазурной бирюзовой поливой прославила керамистов Хорезма по всей территории Золотой Орды. Именно на основе изучения этих видов керамики был высказано мнение об участии хорезмских мастеров в сложении керамического ремесла золотоордынских городов (Якубовский, 1931, с. 28–48; Булатов, 1968, с. 95–109; Гражданкина, Ртвеладзе, 1971, с. 127–273; Кдырниязов, 1990, с. 26–36). Большинство орнаментальных мотивов кашинной керамики имеет сходные элементы в домонгольской и монгольской керамике Средней Азии. В частности, к ним относится мотив "павлиньего глаза", рельефное изображение уток, эпиграфический орнамент "икбаль" и изображение лотоса.

В целом многие элементы декора золотоордынской хорезмской кашинной керамики зародились еще до монголов в Иране, в Средней Азии (Булатов, 1968, с. 95–109; Кдырниязов, 1990, с. 26–36.). Вывоз ремесленников из покоренных земель в Золотую Орду способ-

ствовал формированию нового художественного стиля. Но Хорезм несколько раньше, чем другие области, содействовал сложению золотоордынской полихромной кашинной керамики (Федоров-Давыдов, 1994, с. 131). Для хорезмской красноглиняной керамики этого периода характерно следующее: здесь по-прежнему господствует зеленая и коричневая краска; кроме нее, появляется ультрамарин (вариант – кобальт). Внешние стороны открытой посуды обычно не орнаментировались. Распространенными мотивами в этой группе керамики являются простые растительные и геометрические. Большинство сосудов не орнаментировано. К ним относятся плоскодонные конические миски, кувшины с прямым горлом, туваки-горшочки, чираги-светильники. Полива на них положена поверх ангоба. На чашах и блюдах встречаются гравированный ("граффито") узор в виде concentрических кругов. Такие гончарные изделия были встречены в Шемаха-кале (Вактурская, 1959, с. 319), Миздахкане и Джанпык-кале (материалы ГМИ им И.В. Савицкого). Кроме того, глиняные изделия были облицованы бирюзовой поливой, сосуды украшались полихромной подглазурной росписью (красной, коричневой, зеленой и белой). В другом случае по краю сосудов проходит полоса надписи, выполненная курсивным письмом "насах".

ЛИТЕРАТУРА

- Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А.* Древности Старого Орхезя (золотоордынский период). Кишинев: Штиинца, 1981. 100 с.
- Анарбаев А.* Ахсикет – столица древней Ферганы. Ташкент: Tafakkur, 2013. 536 с.
- Атагарриев Е.А.* Средневековое керамическое производство Туркменистана. // Материальная культура Туркменистана. Вып. 2 / Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад: «Ылым», 1974. С. 56–108.
- Атагарриев Е.* Средневековый Дехиستان: история и культура города Юго-Западного Туркменистана. Л.: Наука, 1986. 176 с.
- Булатов Н.М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. №4. С. 95–109.
- Булатов Н. М.* Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. 1974. №4. С. 135–141.
- Буряков Ю.Ф.* Художественная керамика городища Тункет // Научные труды и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Книга II. / Отв. Ред. И.М. Муминов. Ташкент: АН УзССР, 1961. С. 269–279.
- Вактурская Н.Н.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1958. С. 467–495.
- Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Керамика Хорезма / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV / Под ред. С.П. Толстова, М. Г. Воробьева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 261–342.
- Вактурская Н.Н.* О средневековых городах Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. II. Памятники средневекового времени, этнографические работы / МХЭ. Вып. 7 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С. 41–53.

Вишневская О.А. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-Ата // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1958. С. 431–466.

Вишневская О.А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Т. II. Памятники средневекового времени, этнографические работы / МХЭ. Вып. 7 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С. 54–72.

Воробьева М. Г., Латиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Ч. I. Памятники первобытного и античного времени / МХЭ. Вып. 6 / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1963. С. 157–200.

Государственный музей искусств Каракалпакской АССР / сост. И. В. Савицкий. М.: Советский художник, 1976. 256 с., ил.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджар // СА. 1971. № 1. С. 127–139.

Грицина А.А. Гончарная продукция домонгольского Заamina // История материальной культуры Узбекистана. № 32. Ташкент: Фан, 2001. С. 173–179.

Громова В.И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. Ташкент: УЗФАН СССР, 1940. 61 с.

Денике Б.П. Искусство Востока: Очерк истории мусульманского искусства. Казань: Издание Комбината издательства и печати А.Т.С.С.Р, 1923. 250 с., 11 л. илл.

Доспанов О.Т. О некоторых результатах раскопок Джанпык-калы в 1987–1989 гг. // Новые открытия в Приаралье. Вып. 2 / Отв. ред. М.Г. Воробьева. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1991. С. 71–92.

Доспанов О. Т. Городская культура Правобережного Хорезма в эпоху средневековья (по материалам городища Джанпык-кала). Дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 1996. 200 с.

Доспанов О. Т. Городская культура Правобережного Хорезма в эпоху средневековья (по материалам городища Джанпык-кала). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нукус, 1996. 21 с.

Доспанов О.Т., Сайпанов Б.С. Два фрагмента люстровой керамики из Джанпык-калы // Вестник ККО АН РУ. 1997. № 4. С. 129–131.

Жуков В.Д. Стекланные «медальоны» из дворца термезских правителей // Известия УЗФАН. 1940. № 4–5.

Искандерова А.Д. Зооморфные мотивы на керамике Хорезма XIII–XIV вв. // История Хорезма в современных исследованиях / Отв. ред. Д.А. Алимова. Ташкент-Ургенч, 2019. С. 208–216.

Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV веках. Нукус: Каракалпакстан, 1989. 176 с.

Кдырниязов М.Ш. Привозная керамика из средневековых городов Хорезма (XII–XIV вв.) // Вопросы истории, археологии и этнографии Каракалпакстана. Нукус, 1990. С. 26–36.

Кдырниязов М.Ш. Алтын орда дәуириндеги Туслик Арал бойы мәдениәты (Культура Южного Приаралья в период Золотой Орды). Нөкис: Қарақалпақстан, 1993. 103 с. (на каракалпакском языке).

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М.: Наука, 1985. 263 с.

Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X - начала XIII вв. // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. XI. / Отв. ред. М. Е. Массона. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1962. С. 217–417.

Лунина С.Б. Чаша из Мерва // Памятники Туркменистана. 1971. № 1. С. 20–25.

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент: ФАН, 1988. 198 с.

Пугаченкова Г.А. Орнаментированный сосуд из Куня-Ургенча // Археология Средней Азии Т. V / Труды ТашГУ. Новая серия. №172 / Отв. ред. В. Е. Массон. Ташкент, 1960. С. 197–200.

Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 366 с.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1960. 328 с., илл.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы: ZUR advertizing, 2008. 264 с.

Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 196 с.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 328 с.

Таишходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX – начала XIII вв. Ташкент: Фан, 1967. 154 с. с илл.

Тереножскин А.И. О древнем гончарстве в Хорезме // Известия УЗФАН. 1940. № 6. С. 56–61.

Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. / Отв. ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 197–121.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. А.К. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов / Отв. ред. С. Дмитриев. М.: Вече, 1997. 512 с.

Ходжаниязов Г. Х., Искандерова А. Д. Поливная чаша с изображением павлина // Вестник ККО АН РУ. 1999. № 4–5. С. 103.

Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Пер. с англ. А. Е. Майкапара. М.: Крон-пресс, 1996. 656 с.

Хоул К. Энциклопедия примет и суеверий. М.: Крон-пресс, 1998. 543 с.

Шишкин В.А. “Курган” и мечеть Чорсутун в развалинах Старого Термеза // Термезская археологическая комплексная экспедиция. Т. 2: 1937 и 1938 гг. / Отв. ред. И.Л. Додонов, М.Е. Массон. Ташкент, 1945. С. 98–132.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII-начало XIII вв.). Ташкент: Фан, 1979. 74 с. с илл.

Символы, знаки, эмблемы / сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Астрель-Аст, 2004. 556 с., 32 ил.

Якубовский А.Ю. Хорезм в керамике Сарая // ИГАИМК. Т. 8. . Вып. 2-3. Л., 1931. С. 28–48.

Fedorov-Davidov G. A. The culture of Golden Horde cities. Oxford, 1984. 277 p.

Sarianidi V. Myths Of Ancient Bactria And Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagraphic, Ltd, 1998. 336 p.

Sarianidi W., Dubowa N. Gadymy Margiananyn genjihazynasy. Fotoalbom. Asgabat: Turkmen dowlet nesiryat gullugy, 2013. 208 s. (на туркменском языке).

Schultz W. Dokumente der Gnosis. Werlrgt Bei Evgen Diederichs Jena, 1910. 246 p.

The Royal City of Susa: Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre / Eds. P.O. Harper, J. Arus, F. Tallon. New York: Metropolitan Museum of Art, 1992. 316 p.

Информация об авторах:

Искандерова Айсулу Джапбарбергеновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самаркандский Институт археологии Национального центра археологии АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан); aysulu.iskander@gmail.com

Султанова Мунира Намазбаевна, младший научный сотрудник, Самаркандский Институт археологии Национального центра археологии АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан); muniras8512@gmail.com

REFERENCES

Aby`zova E. N., By`rnya P. P., Nudel`man A. A. 1981. In G. A. Fedorov-Davy`dov (ed.). *Drevnosti Starogo Orkheia (zolotoordy`nskii period) (Antiquities of Old Orhei (Golden Horde period)*. Kishinev: Shtiincza, Publ. (in Russian).

Anarbaev A. 2013 *Akhsiket – stolitsa drevnei Fergany (Akhsiket - the Capital of Ancient Fergana)*. Tashkent: “Tafakkur” Publ. (in Russian).

Atagarry`ev E. A. 1974. In Masson, V. M. (ed.). *Materialnaia kul`tura Turkmenistana (Material Culture of Turkmenistan) 2*. Ashkhabad: “Ylym” Publ., 56–108. (in Russian).

Atagarryev, E. 1986. *Srednevekovi Dehistan: istoriia i kul'tura goroda Iugo-Zapadnogo Turkmenistana (Medieval Dehistan: history and culture of the city of South-Western Turkmenistan)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bulatov N. M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology) 4*, 95–109 (in Russian).

Bulatov N. M. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology) 4*, 135–141 (in Russian).

Buryakov, Yu. F. 1961. In Muminov, I. M. (ed.). *Nauchnye trudy i soobshcheniia AN UzSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk (Scientific works and reports of the Academy of Sciences of the UzSSR. Department of Social Sciences)* II. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 269–279. (in Russian).

Vakturskaia, N. N. 1958. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographical Activities of the Khwarezm Expedition of 1949–1953)*. Series: *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow: “Nauka” Publ., 467–495 (in Russian).

Vakturskaya N. N. 1959. In Tolstov, S. P, Vorob`yeva, M. G. (eds.). *Keramika Khorezma (Khwarezm Ceramics)*. Series: *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 261–342 (in Russian).

Vakturskaya, N. N. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Part II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: *Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition)* 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 41–53 (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1958. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographical Activities of the Khwarezm Expedition of 1949–1953)*. Series: *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow: “Nauka” Publ., 431–466 (in Russian).

Vishnevskaya O.A. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Part II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: *Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition)* 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 41–53 (in Russian).

Vorob`eva M. G., Lapirov-Skoblo M. S., Nerazik E. E. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. I. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Part I. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: *Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition)* 6. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–200 (in Russian).

Savitskii, I. V. (comp.). 1976. *Gosudarstvennyi muzei iskusstv Karakalpakskoi ASSR (State Museum of Arts of the Karakalpak ASSR)*. Moscow: “Sovetskii khudozhnik” Publ. (in Russian).

Grazhdankina, N. S., Rtveladze, E. V. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 127–139. (in Russian).

Gritsina, A. A. 2001. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 32. Tashkent: “Fan” Publ., 173–179 (in Russian).

Gromova, V. I. 1940. *Materialy k izucheniiu drevneishikh domashnikh zhivotnykh Srednei Azii (Materials for the Study of the Most Ancient Domestic Animals of Central Asia)*. Tashkent: Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Denike, B. P. 1923. *Iskusstvo Vostoka: Ocherk istorii musul'manskogo iskusstva (Art of the East: Essay on the history of Muslim art)*. Kazan (in Russian).

Dospanov, O. T. 1991. In M. G. Vorob`eva (ed.). *Novye otkrytiia v Priaral'e (New Discoveries in the Aral Sea Region)* 2. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 71–92 (in Russian).

Dospanov, O. T. 1996. *Gorodskaiia kul'tura Pravoberezhnogo Khorezma v epokhu srednevekov'ia (po materialam gorodishcha Dzhanpyk-kala) (Urban Culture of the Right-Bank Khorezm in the Middle Ages (Based on the Dzhanpyk-kala city))*. Thesis of Diss of Candidate of Historical Sciences. Nukus (in Russian).

Dospanov, O. T. 1996. *Gorodskaiia kul'tura Pravoberezhnogo Khorezma v epokhu srednevekov'ia (po materialam gorodishcha Dzhanpyk-kala) (Urban Culture of the Right-Bank Khorezm in the Middle Ages (Based on the Dzhanpyk-kala city))*. Diss of Candidate of Historical Sciences. Nukus (in Russian).

Dospanov O. T., Sajpanov B. 1997. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan)* 4, 129–131 (in Russian).

Zhukov, V. D. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences)* 4–5, (in Russian).

Iskanderova, A. D. 2019. In Alimova, D. A. (ed.). *Istoriia Khorezma v sovremennykh issledovaniiaxh (The History of Khorezm in Modern Research)*. TashkentUrgench, 208–216 (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh. 1989. *Material'naia kul'tura gorodov Khorezma v XIII–XIV vekakh (Material Culture of the Cities of Khwarazm in the 13th-14th Centuries)*. Nukus: “Karakalpakstan” Publ. (in Russian).

Kdyrniyazov, M-Sh. 1990. In *Voprosy istorii, arkheologii i etnografii Karakalpakstana (Issues of History, archaeology and ethnology of Karakalpakstan)*. Nukus, 26–36 (in Russian).

Kdyrniyazov M-Sh. 1993. *Altyn orda dāuirindegi Tuslik Aral boiy mādeniyaty (Culture of the Southern Aral Sea during the Golden Horde period)*. Nokis: “Qaraqalpaqstan” Publ. (In Karakalpak).

Litvinskii, B. A., Solov'ev V. S. 1985. *Srednevekovaia kul'tura Tokharistana v svete raskopok v Vakhshskoi doline (Medieval Culture of Tokharistan in the Light of Excavations in the Vakhsh Valley)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Lunina, S. B. 1962. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* XI. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 217–417 (in Russian).

Lunina, S. B. 1971. *Pamiatniki Turkmenistana (Monuments of Turkmenistan)* 1, 20–25 (in Russian).

Mukamedzhanov, A. R., Adylov, Sh. T., Mirzaakhmedov, D. K., Semenov, G. L. 1988. *Gorodishhe Pajkend. K probleme izucheniya srednevekovogo goroda Srednej Azii (On the Problem of Studying the Medieval City of Central Asia)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1960. In V. E. Masson (ed.). *Arkheologiya Sredney Azii (Archaeology of Central Asia)* Vol. V. Series: *Trudy Tashkentskogo universiteta. Novaia seriia. (Proceedings of the Tashkent State University. New Series)* 172. Tashkent, 197–200 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1967. *Iskusstvo Turkmenistana. Ocherk s drevnejshix vremen do 1917 g. (Essay from Ancient Times to 1917)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Pugachenkova, G. A., Rempel, L. I. 1960. *Vydayushchiesia pamiatniki izobrazitelnogo iskusstva Uzbekistana (Outstanding monuments of fine arts of Uzbekistan)*. Tashkent: “Gospolitizdat” Publ. (in Russian).

Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraychika (na kazakhskom, russkom i angliyskom yazykakh) (Ceramics of Saraichik hillfort)*. Almaty: “ZUR advertising” Publ. (in Kazakh, Russian and English).

Sataev, R. M. 2016. *Zhivotnye v kul'ture Drevnei Margiany (Animals in the culture of ancient Margiana)*. Moscow: “Staryi sad” Publ. (in Russian).

Snesarev, G. P. 1969. *Relikty` domusul'manskix verovanij i obryadov u uzbekov Xorezma (Relics of pre-Islamic beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Tashkhodzhaev, Sh. S. 1967. *Xudozhestvennaya polivnaya keramika Samarkanda IX – nachala XIII vv. (Artistic Glazed Ceramics of Samarkand IX - early XIII centuries)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1940. In *Izvestiia Uzbekistanskogo filiala Akademii nauk SSSR (Proceedings of the Uzbekistan Branch of the USSR Academy of Sciences)* 6, 56–61 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1965. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* V. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 197–121 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ord. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M. 1989. In Smirnov, A. K. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdiei drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Sarmatian leaders and ancient towns of the Volga region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 133–248 (in Russian).

John Foley. 1997. In Dmitriev, S. (ed.). *Entsiklopediia znakov i simvolov (The Guinness encyclopedia of Signs and Symbols)*. Moscow: “Veche” Publ. (in Russian).

Xodzhaniazov G. Kh., Iskanderova, A. D. 1999. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan (Bulletin Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan)* 4–5, 103 (in Russian).

James Hall. 1996. In Maikapar, A. E. (Transl.). *Slovar' siuzhetov i simvolov v iskusstve (Dictionary of Subjects and Symbols in Art)*. Moscow: Kron-press, Publ., 656. (in Russian).

Houl, K. 1998. *Enciklopediia primet i sueverij. (The encyclopedia of superstitions)*. Moscow: “Kron-press” Publ., 543. (in Russian).

Shishkin, A. V. 1945. In Dodonov, I. L., Masson, M. E. (eds.). *Termezskaiia arkheologicheskaiia kompleksnaia ekspeditsia. T. II: 1937 i 1938 gg. (Termez archaeological complex expedition. Vol. 2: 1937 and 1938)*. Tashkent, 98–132 (in Russian).

Shishkina G. V. 1979. *Glazurovannaia keramika Sogda (vтораia polovina VIII-nachalo XIII vv.) Glazed Ceramics from Sogd (second half of the 8th-early 13th centuries)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Andreeva, V., Kuklev, V., Rovner, A. (comp.). 2004. *Simvoly, znaki, emblemy` (Symbols, signs, emblems)*. Moscow: "Astrel–Ast" Publ. (in Russian).

Yakubovskii, A. Yu. 1931. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture)* Vol. 8 (2–3). Leningrad: State Academy for the History of Material Culture, 28–48 (in Russian).

Fedorov-Davidov G. A. 1984. *The culture of Golden Horde cities*. Oxford. (in English).

Sarianidi V. 1998. *Myths Of Ancient Bactria And Margiana on its Seals and Amulets*. Moscow: Pentagaphic, Ltd (in English).

Sarianidi W., Dubowa N. 2013. *Gadymy Margiananyn genjihazynasy (The Treasury of Ancient Margiana)*. Fotoalbom. Ashgabat: Turkmen dowlet nesiryat gullugy, 208 (in Turkmen).

Schultz W. 1910. *Dokumente der Gnosis (Gnostic Documents)*. Werlrgt Bei Evgen Diederichs Jena, 246 p. (in Deutch).

Harper, P.O., Arus, J., Tallon, F. (eds.). 1992. *The Royal City of Susa: Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre*. New York: Metropolitan Museum of Art.

About the Authors:

Iskanderova Aisulu D. Candidate of Historical Sciences, Samarkand Institute of Archeology of the National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Abdullaev, Str., 3.Samarkand, 140061, Uzbekistan; aysulu.iskander@gmail.com

Sultanova Munira N. Samarkand Institute of Archeology of the National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Abdullaev, Str., 3.Samarkand, 140061, Uzbekistan; muniras8512@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.